

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Газимуро-Заводский краеведческий музей
им. Ф.Н. Резанова

*К 100-ЛЕТИЮ
БОГДАЛІСКОГО БОЯ
(1919 - 2019 ГГ.)*

*В Богдатском хребте Забайкалья
Жестокая битва была.
Мы там защищали свободу
И кровь там рекою текла.
(Четверостишие взято из Интернета)*

Осенью 1919 года белые вместе с японцами задались целью уничтожить красных партизан в районе села Богдаты и по реке Шилке.

Они стали стягивать сюда значительные силы и вести подготовительные работы. Для подвоза войск и продовольствия белые и японцы широко мобилизовали транспорт у крестьян, затратили значительные средства на починку дорог и мостов и даже провели специально телеграфные и телефонные провода на 200—250 километров.

План наступления был хорошо продуман. Для руководства боевыми операциями белые выделили генералов Мацевского и Шемелина, а японцы — генералов Судзуки и Хондзё Хосоно. Проведя эту основательную подготовку, бело-японцы в конце сентября 1919 года двинули свои соединенные силы на Богдатский фронт с четырех сторон.

Для нас это наступление не являлось неожиданностью. Находясь в селе Богдаты, мы все время следили за приготовлениями врага. Белые и до того не раз пытались выбить нас из Богдаты, делая неожиданные налеты, но всякий раз они кончались для них неудачно.

На этот раз готовилось нечто посерьезнее обыкновенного налета, но мы, как всегда, спокойно приготовились встретить врага. Правда, наши силы далеко уступали силам противника. Вооружение у нас тоже было неважное: половина патронов — самодельщина наших кузнецов. Не хватало у нас также ружей, пулеметов, орудий, снарядов, не говоря уже о прочем снаряжении. Однако мы не унывали.

Первые боевые действия начались на реке Шилке, где в это время стоял около Шилкинского Завода наш 3-й кавалерийский отряд в четыреста сабель. Бело-японское командование бросило на этот полк шесть прекрасно вооруженных японских рот с батареей четырехорудийного состава, 1-й бурято-казацкий полк в количестве шестисот сабель и несколько казачьих дружин. Кроме того, японцы

отправили по реке Шилке два парохода, забронированные мешками с песком. На этих пароходах была установлена батарея полевой артиллерии четырехорудийного состава.

Рано утром 27 сентября наблюдательные посты шилкинского отряда донесли, что вдали появились какие-то дымки. Вскоре на сверкающей ленте реки показались пароходы. Одновременно разведчики сообщили, что вместе с пароходами по левому берегу реки на Шилкинский Завод наступают пехота с артиллерией и кавалерия.

Командир полка решил боя не принимать и отступить к селу Богдаты. Как ни обидно было бойцам уступать позиции без выстрела, — но сила не только солому ломит. Положение создавалось серьезное. Надо было действовать осмотрительно, чтобы сберечь силы для решительного столкновения. Но бело-японцы все же наш полк настигли и нанесли ему значительный удар, после чего полк был отведен в сторону станции Зилово, а противник, не преследуя его, двинулся в сторону Богдаты.

Японцы и белые продвигались быстро и окружали село Богдаты со всех сторон.

26 сентября наша разведка встретила отряд белогвардейцев на реке Урове около села Хомяково, в сорока километрах от Богдаты. Завязалась перестрелка, и через час, с подходом главных сил, она перешла в сильный бой, но белые неожиданно прекратили огонь, и с их стороны отделились три всадника с белым флагом. Размахивая им, они что-то кричали, но за дальностью расстояния нельзя было расслышать. Тогда мы выслали к ним навстречу трех своих бойцов, дав им соответствующий наказ для ведения переговоров. Обе стороны стали приближаться друг к другу. Когда они съехались на расстоянии ста шагов, один из белых парламентаров крикнул:

— Стой!

Наши остановились. Оказывается, белые выслали своих парламентаров для того, чтобы ознакомить нас с приказом генерала Шемелина. Плечистый белогвардеец с урядницкими нашивками, сидя на лошади, достал из полевой сумки приказ и зычно огласил его нашим парламентарам.

Передайте всем казакам и солдатам, обманутым вашими комиссарами и ошибочно попавшим в их ряды, — чеканил урядник, — что нам помогают союзники и что большевики уже везде разбиты.

Одумайтесь, пока не поздно, и во избежание кровопролития сейчас же переарестуйте ваших командиров: Журавлева, Киргизова, Каратаева и Якимова. Представьте их мне живыми, и всем вам будет дарована жизнь.

Окончив чтение приказа, урядник сложил его вчетверо и спрятал обратно в сумку. Потом, упершись рукой в правый бок, он молодецкато поглядел на красных парламентаров.

Партизаны переглянулись между собой и, словно по команде, быстро сдернули винтовки с плеч. Урядник скис. Горделивая осанка мгновенно соскочила с него. Он пригнулся в седле, хлестнул изо всей силы коня и помчался прочь. За ним устремились двое его товарищей.

Треск трех винтовок был лучшим ответом на предложение белых парламентаров.

В КОЛЬЦЕ

Мы перешли в наступление. Две колонны двинулись знакомыми тропинками в обход правого и левого флангов противника. Остальные повели наступление в лоб.

Едва наши части сдвинулись с места, как белые открыли сильный пулеметный огонь. Несколько человек в передней цепи упало. Это заставило остальных немного податься назад. Но заминка продолжалась всего лишь минуту. Цепи снова бросились вперед. В это время из леса справа от противника вышла одна из наших обходящих колонн. Она быстро рассыпалась цепью и с криком «ура» атаковала белых. Через минуту из ложбины, покрытой кустарником, показалась левая наша колонна. Под перекрестным огнем белые дрогнули, сорвались с позиций и побежали.

Несколько десятков партизан кинулось за ними вдогонку, стараясь действовать штыками, так как патроны мы берегли. Но белые так быстро убежали, что партизаны скоро вернулись обратно.

Белые понесли большие потери. У нас выбыли из строя десять убитыми и семнадцать ранеными. Среди убитых оказался командир правой обходной колонны тов. Шестаков, а руководитель левой колонны был легко ранен.

Наступили короткие осенние сумерки. Все вокруг затихло. Ожидая с минуты на минуту появления новых сил противника, мы

провели бессонную ночь. Но белые до самого утра 27 сентября не показывались.

На рассвете наши разведчики донесли, что белые получили большое подкрепление и опять двинулись на нас. Мы подсчитали патроны: их едва хватало по десятку на каждую винтовку. С таким запасом долго не продержишься, и мы решили отступить.

Но без боя мы не отдавали ни одной пяди земли. Сдерживая противника на приличном расстоянии, мы ловили удобные моменты и бросались на белых в контратаки почти с одними штыками.

Однако, несмотря на мужество и стойкость наших бойцов, положение наше становилось час от часу тяжелее. Наступило утро 28 сентября. Бойцы, измученные трехдневным боем, бессонными ночами, плохо одетые, полуголодные еле держались на ногах. Среди них много было раненых и больных, которым мы не могли оказать никакой помощи. А противник стягивал вокруг нас кольцо все туже и туже.

К вечеру 29 сентября почти все наши части отступили к селу Богдать. Здесь мы оказались в тесном мешке: все пути были отрезаны.

Выйти из тяжелого положения мы могли только одним способом: бросить обоз, взорвать орудия и налегке через тайгу и горные хребты прорваться из окружающего нас кольца в любом направлении. Этот выход был еще возможен, хотя и сопряжен с некоторым риском.

Около полуночи 29 сентября командующий фронтом тов. Журавлев созвал весь командный состав в штабную избу на совещание. Измученные боевыми тревогами командиры, устало опустив головы, один за другим входили в низенькую продыmlенную махоркой избу. Они усаживались на длинные грязные лавки, расставленные вдоль стен, и хмуро поглядывали на усатых лихих генералов, расклеенных на почерневших бревнах избы заботливой рукой казака-хозяина. Смотреть друг другу в глаза избегали, словно боялись прочесть во взгляде товарища безнадежность своего положения.

Тов. Журавлев сидел за столом, положив голову на широкую ладонь. Он делал вид, будто рассматривает карту. Но глаза его то и дело скользили украдкой по рядам командиров, словно хотели угадать мысли и чувства каждого. Лицо его внешне казалось

спокойным. Опытный вояка — бывший офицер военного времени, — он привык применяться ко всякой обстановке. Даже в самые тяжелые минуты он никогда не терял выработанного долгой боевой практикой хладнокровия.

— Искусная тактика плюс спокойствие решают победу на фронте, — любил он часто повторять бойцам.

Он пользовался у партизан большой популярностью как боевой командир.

Изба скоро наполнилась серыми шинелями, тулупами, кожаными куртками. Представители всех партизанских частей были здесь налицо. Журавлев поднял голову и промолвил:

— Я думаю, товарищи, мы можем уже начать...

Он сделал небольшую паузу и тем же спокойным тоном продолжал:

— По-видимому, вопрос для всех ясен: нам нужно как-то выйти из затруднительного положения. Кто желает высказаться, прошу.

Хладнокровие командующего и деловитая простота, с которой он приступил к обсуждению этого болезненного вопроса, подействовали на нас всех успокаивающе. Лица многих оживились. Командиры один за другим начали выступать. Каждый высказывал свои соображения, взвешивал, оценивал обстоятельства и предлагал тот или иной выход. Прения разгорались. Журавлев внимательно выслушивал каждого, изредка вносил свои замечания или добавлял удачную мысль какими-либо новыми соображениями.

В черные окна избы хлестали струи дождя, смешанные с хлопьями снега. Старые стены изредка вздрагивали от глухих далеких ударов орудий: где-то наши части отражали натиск противника. Село, одетое в густой сумрак, крепко спало. И только здесь, где решалась судьба нескольких тысяч жизней, горела подслеповатая коптилка.

Командующий дал возможность всем высказаться. Мнения разделились. Одни настаивали на том, чтобы взорвать два горных орудия или спрятать их где-либо в тайге и, бросив обозы, вырваться из кольца, а потом повести наступление на станции Маньчжурской железной дороги — Даурию и Борзю. Другие предлагали разгромить хомяковскую группу противника и захватить Нерчинский Завод.

— Товарищи, давайте решим большинством голосов, —

предложил Журавлев. — Кто за первое предложение?

На бревенчатых стенах избы закачалось несколько десятков теней от поднятых рук. Журавлев подсчитал. Проголосовали второе предложение.

— За второе двумя голосами больше, — объявил спокойно Журавлев. — И так с рассветом выступаем...

ЯПОНЦЫ ИЗБЕГАЮТ ШТЫКОВ

Совещание закончилось глубоко за полночь. Спать было уже некогда. Разойдясь по своим частям, мы начали готовиться к выступлению.

Произвели перегруппировку частей. 1-й полк (без трех сотен), 2-й и 6-й полки вместе с батальоном китайской пехоты при двух орудиях и пяти пулеметах составили ударную группу, которая должна была выступить на рассвете по Богдатскому тракту в направлении Хомякова и разгромить хомяковскую группу противника. Командование ударной группой Журавлев поручил командиру 1-го полка М. Якимову. 5-й полк и три сотни 1-го полка под командой Каратаева оставались на реке Урюмкане для заслона на култуминском и крюковском направлениях, а 4-й полк должен был пока находиться в станции Аргунская, в резерве. Общее командование фронтом оставалось за Журавлевым.

В мутных сумерках рассвета ударная группа вышла из села Богдаты и вступила на широкий пустынный тракт. Разведчики ускакали вперед.

Растянувшись длинной лентой, группа, как серая гусеница, медленно ползла по тракту. Дорогу с обеих сторон обступила мокрая тайга. Порошило липким снегом.

Скоро вернулись наши разведчики и донесли, что в двух-трех километрах на шоссе расположилась рота японцев. Мы приготовились.

Дорога круто шла под уклон, потом, змеясь, опять взобралась на крутой пригорок, на макушке которого виднелись люди. Часть наших пошла боковыми тропинками по лесу, чтобы охватить японцев с флангов. Остальные устремились в лоб. Тайга вздрогнула от глухих орудийных перекатов. Сухо, отрывисто заговорили пулеметы.

Сражение длилось всего лишь несколько минут. Рота японцев — вся до одного — легла на пригорке около дороги.

Продвинувшись еще на два-три километра, мы встретились с главными силами противника. В этом месте густой сосновый лес перешел в редколесье. Укрепленные позиции японцев находились примерно в шестистах метрах на горе, откуда они начали обстреливать нас из пулеметов и винтовок.

Партизаны рассыпались цепью и с криком «ура» кинулись в атаку. Гора, на которой находились японцы, имела крутые склоны. Это мешало им правильно брать точку прицеливания на близком расстоянии. Поэтому сильный огонь, которым они продолжали осыпать наступающих, не причинял нам вреда. Пули свистели над головами бойцов, срезая верхушки деревьев.

Окружив гору полукольцом, мы карабкались по крутым ее склонам и дружно кричали «ура». Японцы нестройно отвечали нам криком «банзай». Стрельба на левом нашем фланге усилилась, донеслись глухие разрывы бомб — наши пошли в штыки.

В результате японский батальон был уничтожен за исключением одиннадцати солдат и одного офицера, сдавшихся в плен. Русские белогвардейцы на этом участке частью сдались, а частью разбежались по тайге. Взято у японцев два станковых пулемета Гочкиса, бомбомет, несколько патронных двуколок и 500 винтовок.

Продвигаться дальше в темноте было рискованно, и мы решили дождаться рассвета на Богдатском хребте.

ТРУДНАЯ НОЧЕВКА

Вскоре мы заметили, что со стороны Богдатского тракта на нас движется в сумраке какая-то черная масса. Мы сейчас же приготовились и выслали разведчиков. Те скоро вернулись и донесли, что это едет наш обоз с больными и ранеными, вывезенными группой товарища Каратаева из Богдаты.

Дело в том, что пока мы здесь сражались с японцами, остальные наши части были выбиты из Богдаты противником и отступили по тракту в сторону Хомякова. Всех больных и раненых удалось увезти. Отойдя несколько километров от села, группа тов. Каратаева заняла позиции неподалеку от нас, в лесу.

Скоро к нам приехал и сам командующий фронтом тов.

Журавлев. В темноте трудно было разглядеть выражение его лица, но голос его звучал глухо, устало, когда он справлялся о положении дел на нашем участке.

Он сообщил нам между прочим, что на левом фланге убит помощник командира полка тов. Аксенов. В этот день у нас вообще были большие потери. Были ранены командовавший полком тов. Буравель и командир сотни, которому осколком шрапнели оторвало нижнюю губу. Убиты были помощник командира полка тов. Шестаков и командиры сотен Лапердин и Кравченко. Много также выбыло из строя и рядовых бойцов.

Эта ночь, проведенная нами на Богдатском хребте, навсегда останется в памяти каждого.

Стиснутые со всех сторон противником, мы находились на территории, которая едва равнялась 12—15 километрам в глубину по Богдатскому тракту. Вправо и влево от дорог были непролазные лесные трущобы, где даже привычные ко всему охотники с трудом могли ориентироваться. И вот на этой узкой ленте у нас сосредоточились весь фронт и тыл.

Хуже всего было то, что на протяжении всех этих двенадцати километров не было ни одной теплой халупы или хотя бы какого-нибудь заброшенного зимовья, где бы можно было приютить больных и раненых. Между тем погода для этих мест стояла небывалая. Несмотря на конец сентября, дождь лил не переставая. Обнаженные деревья служили плохой защитой от него. В лесу не было буквально ни пяди сухого местечка. Ноги увязали в грязи. Огня развести мы не могли, так как дождь все равно бы его моментально залил. К тому же огонь мог выдать противнику наше расположение и подвергнуть нас артиллерийскому обстрелу.

Чтобы как-нибудь согреться, мы устраивали бег на месте, толкали друг друга, но ничто не помогало — проклятый холод пронизывал до костей.

Особенно скверно чувствовали себя больные и раненые. Для защиты от дождя мы накрыли их старыми шинелями, кусками брезента и даже еловыми ветками. Но они все-таки промокли. Стон их раздирал нам уши. Некоторые из них не ели с самого утра и умоляли дать хоть кусочек хлеба. Но хлеба не было ни крошки.

— Братцы... нету хлеба... курить... Все б легче, — настойчиво упрашивал один пожилой партизан, лежащий с раздробленными

ногами на повозке.

Бойцы смущенно отворачивались, пожимая плечами. Они сами не имели ни щепотки табаку.

В довершение всех этих мук мы не могли даже вздремнуть час-другой. Некоторые пробовали заснуть, прислонясь плечом к дереву, но сейчас же с проклятием отскакивали в сторону: холодные струи, сбегая по набухшим ветвям, как по водосточному желобу, попадали за воротник и причиняли еще большее мученье. Пытались заснуть, сидя на корточках, но усталое тело неудержимо тянуло к земле, и многие, поддаваясь этому искушению, забывали о сырости и свертывались калачиком на гниющей листве, но через минуту опять вскакивали на ноги.

Казалось, ночи не будет конца. Но вот голые сучья над нашими головами стали вырисовываться отчетливее — приблизился рассвет. Дождь прекратился, но холод сделался еще нестерпимее, так как за оттепелью ударил мороз.

После короткого совещания командного состава мы произвели перегруппировку сил. 5-й полк оставили в заслоне со стороны села Богдаты, а 1-й, 2-й и 6-й полки должны были продолжать выполнять свою задачу, т. е. вести наступление на Хомяково.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Ударная группа построилась и по крутым отрогам хребта начала спускаться в долину по направлению к Хомякову. Только что головной отряд вышел из тайги, как японцы и белые открыли сильный артиллерийский огонь со стороны Березового мыса. Наши рассыпались по опушке и начали отвечать ружейным и пулеметным огнем.

Вскоре на участок прибыл тов. Журавлев. Он ознакомился с расположением японских позиций и, подзвав к себе командира 1-го полка тов. Якимова, приказал:

— Возьмите четыре или пять самых лучших сотен, зайдите в тыл противнику и оттуда атакуйте его. Остальные будут в это время вести атаку с фронта.

Четыре сотни 1-го полка захватили с собой два станковых пулемета и отправились под командой тов. Якимова выполнять распоряжение командира фронта.

Шли сначала по тайге, забирая все время вправо. Выстрелы

долетали глухо, как отдаленные раскаты грома. Тайга скоро оборвалась и перешла в равнину, пересеченную оврагами.

Партизаны ориентировались по самодельной карте и решили, что зашли достаточно глубоко в тыл противнику. Пересекая под прямым углом равнину, отряд пошел влево по направлению к глухо долетавшим выстрелам.

Не отошли и сотни шагов, как из оврага справа вынырнула голова лошади, за ней другая. Медленно перевалили через крутой край оврага, на поляне оказались вереница подвод и масса раскинутых палаток, по обеим сторонам которых лежала японская пехота.

Японцы не сразу заметили партизан, так как отряд двигался в это время через густой кустарник. Но вот передний японец, видимо офицер, быстро обратился к солдатам и что-то громко крикнул им, и тут же с их стороны последовал залп. Двое наших бойцов вылетели из седел.

Мы хотели обрушиться лавиной, но было уже поздно. Пришлось спешиться, отвести лошадей в лес, а самим рассыпаться по опушке цепью.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Перебегая от куста к кусту, партизаны шаг за шагом подходили все ближе и ближе к обозу. Японцы отстреливались из винтовок и ручных пулеметов.

Как ни выгодна была их позиция, однако наши ружья метко выискивали цель. Свыше десятка японцев уже выбыло из строя. Остальные держались минут пятнадцать. Потеряв еще троих, японцы сдались.

Мы потратили на эту встречу около часу времени, и из-за нее не получилось общей атаки нашего отряда главными силами. Дело в том, что когда наши главные силы услышали в тылу противника перестрелку, они решили, что мы уже завязали с ним бой, и немедленно сами устремились в атаку. Японцы встретили их ураганным огнем. В результате наши отступили с большими потерями.

Мы узнали об этом лишь много позднее. А в этот момент, обрадованные богатой добычей, мы пополнили свои боевые запасы из японского обоза и, ничего не подозревая, перешли в наступление на тыл противника.

Первый удар был сделан удачно. Наши сотни, пользуясь

пересеченной местностью, подобрались вплотную к японским окопам и бросились в штыки. Японцы, как и следовало ожидать, не приняли штыкового боя и отошли на вторую линию.

Мы заняли оставленные ими окопы и начали укрепляться. Однако наша победа была непродолжительной. Японская артиллерия открыла сильный огонь. Сначала снаряды рвались за бруствером, засыпая нас комьями мокрой земли, и два-три снаряда разорвались уже в самых окопах. Четверо из наших было убито наповал и двое ранено.

Вслед за последним снарядом, разорвавшимся у самого бруствера, послышался слабый удар, как от взрыва ручной гранаты, и над нашими головами пронесся в воздухе черный предмет. В двадцати шагах за окопами взлетел яркий столб пламени, и сильный грохот на секунду заглушил все другие звуки.

— Ну, братцы, банзайцы начали палить из бомбомета, — глухо рассмеялся бородач-партизан. — Теперь держитесь!

Он с минуту помолчал, чутко прислушиваясь, и потом действительно заметил своему молодому соседу:

— Ты, парень, зря глазища-то вверх не пяль. Все равно не угадаешь, куда она, проклятая, упадет. Он тяжело вздохнул и добавил:

— Натерпелся я от этих штук на германском фронте... Эва, слышь — опять летит...

Яркое пламя ударило нам прямо в глаза. Часть окопа моментально засыпало землей. Молодой парень, с которым только что разговаривал старик-партизан, глухо вскрикнул и повалился ничком на дно окопа. Разлезшийся на спине тулуп дымился огромной кровавой раной. Старик, отброшенный сильным порывом воздуха на несколько шагов, стукнулся со всего размаха головой о стенку окопа и долго не мог встать, тупо озираясь кругом.

Несколько десятков бомб и снарядов разорвалось на нашем левом фланге, и оттуда сейчас же послышались крики и стоны. Дальше оставаться в окопах было невозможно. Японцы били теперь без промаха.

Мы начали быстро отходить, стараясь сохранить боевой порядок. Около двух десятков наших бойцов навсегда осталось лежать в японских окопах.

Отступив на опушку леса, мы заняли вновь позицию. Но японцы

не преследовали нас, оставаясь на своих позициях. Мы провели в лесу ночь без сна. Японцы, по-видимому, тоже чувствовали себя не совсем спокойно. Опасаясь возобновления нашей атаки, они до самого утра освещали свои позиции световыми ракетами.

На рассвете мы послали к нашим главным силам несколько человек для связи. Но они вскоре возвратились и донесли, что наших на прежних позициях уже нет. Как потом выяснилось, они в ту же ночь отступили тайгой по реке Урову на Алашири.

Мы отошли от японских позиций на десять километров вглубь тайги. Здесь разбили временный бивуак и в первый раз за последние пять суток как следует уснули.

ГЕНЕРАЛ СУДЗУКИ ПРОСЧИТАЛСЯ

Итак, знаменитый Богдатский бой окончился. Потери с обеих сторон были значительны. У нас выбыло из строя 80 человек убитыми и около 135 ранеными. Японцы потеряли до 300 убитыми, в том числе трех офицеров, и большое количество ранеными. Много также было убито и ранено русских белогвардейцев. Попавших к нам в плен белогвардейцев мы отправили с небольшим конвоем в тыл, но они, пользуясь слабостью охраны, почти все разбежались.

Впрочем, мы не особенно жалели об этой «потере», так как у нас хватало заботы о себе. Выгнанные из своего постоянного убежища, или, как его в шутку называли партизаны, — «столицы Богдатель», мы несколько дней шли тайгой. Хлеба не видели ни крошки, питались только тем, чем была богата тайга. За все время подвернулся только один сытный завтрак — когда мы неожиданно натолкнулись на старое зимовье, где нашли несколько мешков с зерном, припрятанным здесь кем-то из охотников. Зерно мы парили в котелках и ели с наслаждением.

В общем, эти лесные бои и потом скитания были не из приятных. Однако мы не теряли надежды и шли уверенно, направляясь на село Сивачи, где собирались дать белым новый урок. В Сивачах нами были разбиты японские тылы и их рота. Взято было много патронов, продовольствия и 120 лошадей, в которых была острая нужда.

Генерал Судзуки явно просчитался. Думая уничтожить нас под Богдателью, он двинул туда значительные силы, сломал наш организованный фронт, рассеял нас отдельными группами по лесу.

А как раз это было нужно повстанцам.

До того мы долго соблюдали так называемый «несгибаемый фронт», который весьма слабо сочетался с условиями партизанской борьбы и почти не причинял серьезного вреда противнику. Теперь же мы перешли на чисто партизанские методы.

Бело-японское командование потеряло возможность следить за нами. Мы неожиданно появлялись в неприятельском тылу то там, то здесь, быстро приходили и так же быстро уходили. При этом мы постоянно соприкасались с населением, привлекали его на свою сторону.

В результате к началу 1920 года наш отряд с 3 тысяч человек вырос до 25 тысяч. Мы приобрели за счет противника прекрасное вооружение: 18 орудий, до 70 станковых пулеметов, массу винтовок, патронов, снаряжения.

Так на Богдатском фронте мы усвоили уроки партизанской борьбы.

Примечание

На первой странице обложки, фото памятника близ села Зерен, посвященного красным и белым, погибшим в Богдатском бою.

Литература

1) М. Якимов. *Таёжные походы. Сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца.*

Изд-во «История гражданской войны», М, 1935 г.

OCR Biografia.Ru.

2) *Материалы буклета, подготовленные первым директором музея Ф.Н. Резановым.*

Ответственный за выпуск: директор Аршинская Н.В. **Редактор,**
корректор: младший научный сотрудник Полоротов В.И.

Верстка и дизайн: смотритель музейный Воложанинова В.Н.

Тираж: 50 экз.

Юридический адрес: 673630, Забайкальский край

Газимуро-Заводский район с. Газимурский Завод ул. Журавлева, 17

Электронный адрес: kraevedcheskiy.natali@mail.ru